

— А, начнем с самого начала! — Чжоу Сяохуэй коснулась пальцем подбородка, словно что-то припоминая. — В детстве я пережила страшный пожар. Мы жили в глуши, помощи пришлось ждать долго, и наша семья из трех человек оказалась заперта в комнате. Родители отдали свои жизни, чтобы спасти меня — ту самую, которую вы называли монстром и уродкой.

Голос Чжоу Сяохуэй звучал ровно, будто она рассказывала о ком-то постороннем.

— У меня было обожжено восемьдесят процентов тела. Я столько раз стояла на пороге смерти и возвращалась обратно, что и не сосчитать. Я думала, что если выживу, то всё наладится. Пока не встретила вас.

Чжоу Сяохуэй окинула взглядом сидящих в зале учеников и слегка улыбнулась. Синь Жун, глядя на выражение лица девушки, ощутил странное чувство и тихо выдохнул.

— Иногда я не понимаю. Я старалась скрывать свои шрамы: носила длинную одежду, надевала маску на уроках. Но почему? Мои шрамы не причиняли вам вреда, так почему вы использовали их, чтобы ранить меня?

Глаза Чжоу Сяохуэй покраснели. Она обвела взглядом притихших учеников и бессильно усмехнулась.

— Вы заставляли меня снимать маску, смеялись и фотографировали ради забавы. Выливали воду на голову в туалетных кабинках. Приклеивали канцелярские кнопки к моему стулу, давили на плечи, заставляя сесть. Срывали с меня школьную форму, чтобы поглазеть на шрамы...

Голос её становился всё тише, словно перышко на ветру, или доносился откуда-то издалека, пропитанный невыразимой печалью и бессилием. Тон был настолько спокойным, что сердце сжималось от жалости — казалось, она говорит о чем-то, к чему не имеет никакого отношения.

Однако Синь Жун ясно видел глубокую скорбь в её глазах. Это была печаль, которую невозможно описать словами — тяжелая грозовая туча, нависшая над душой и не дающая дышать. Глядя на подрагивающие губы Чжоу Сяохуэй и её угасающий взгляд, Синь Жун почувствовал, как внутри всё сжалось от боли.

— Я просила учителей о помощи, но стоило мне взглянуть в их глаза, как всё стало понятно. В их глазах я была лишь нищей, доставляющей проблемы обузой. Моя семья не могла дарить им подарки, а из-за своего состояния я требовала особого внимания. Это было хлопотно и неблагоприятно, поэтому их взгляды были полны отвращения.

Пока она говорила, она вертела в руках зажигалку. Ученики в зале затаили дыхание, боясь пошевелиться, опасаясь, что она выкинет что-нибудь безумное.

— С того дня я поняла: никто мне не поможет. Я думала, что нужно просто потерпеть, переждать — три года пролетят быстро, а потом я поступлю в университет и всё станет хорошо!

Её голос дрогнул. Она замолчала на несколько секунд, а затем продолжила:

— Но вы сделали то, чего я никогда не прощу!

Она внезапно подняла голову и впиалась взглядом в толпу. Этот резкий выпад напугал всех, и ученики дружно отпрянули назад.

— У меня не было друзей. В этой беспросветной школьной жизни я даже не мечтала о дружбе. Но почему? Почему вы не смогли оставить в покое даже кошку?!

Голос Чжоу Сяохуэй креп, от волнения её начало трясти. Она медленно встала и достала из-за пояса ошейник. На белой ленте виднелись засохшие пятна крови, а золотистый бубенчик на нём потускнел и больше не звенел.

— Эта бездомная кошка была, возможно, моим единственным другом. Она тихо сидела рядом, слушая, как я говорю, терлась пушистым тельцем о мою ладонь, смотрела на меня своими круглыми глазами и не боялась, не презирала меня.

Она гладила ошейник, и золотой бубенчик изредка издавал слабый, чистый звук — словно кошка отзывалась на её скорбь.

— Я накопила немного денег и впервые зашла в зоомагазин. Купила ей лучший ошейник, который могла себе позволить. Продавец сказал, что материал мягкий и не будет давить кошке на шею. Когда я вернулась в школу и надела его на «Пушка», она радостно крутилась у моих ног. Я до сих пор помню этот звон...

Она поднесла ошейник к уху и слегка потрясла его, прищурившись, словно погрузившись в приятные воспоминания.

— А потом вы всё знаете. Вы убили моего «Пушка»! Убили моего единственного друга! Вы упаковали её ошейник как подарок и отдали мне! Заставили саму искать её труп! И еще «любезно» подсказали, где искать — там, где мы бывали каждый день. Вы смотрели, как я рыдаю в истерике, как ищу её, а когда ничего не нашла — собрались вместе и хохотали.

Чжоу Сяохуэй сжала ошейник так, что побелели костяшки, и закричала во весь голос. Слезы хлынули из её глаз, капля за каплей стекая по щекам и разбиваясь о пол.

— Я долго искала, но не нашла. Наверное, я сошла с ума. Иногда на уроках я видела «Пушка» — она бегала кругами перед кафедрой. А иногда видела, как она лежит передо мной в крови,

гниет и исчезает. Я даже чувствовала запах разложения. Думаю, я действительно почти обезумела.

Она тихо выдохнула, закрыла глаза, словно отпуская тяжесть на сердце, и продолжила:

— Впрочем, теперь это уже неважно. Я всё равно ухожу. Есть что сказать напоследок?

Чжоу Сяохуэй вытерла слёзы и посмотрела на людей перед собой, ожидая ответа. Синь Жун прижал пальцы к переносице, пытаясь унять внутреннюю тревогу. Исповедь девушки давила на него невыносимым грузом. В груди словно поселился тяжелый камень, мешающий дышать. Бессилие разливалось по телу, вызывая усталость. Он невольно вздохнул, чувствуя полное смирение перед ситуацией.

В зале по-прежнему царила тишина. Синь Жун не видел лиц учеников, но по разочарованию на лице Чжоу Сяохуэй мог легко представить их реакцию.

— Когда мы сможем уйти? — наконец кто-то нарушил молчание, голос звучал неуверенно.

Чжоу Сяохуэй посмотрела на него долгим, сложным взглядом и спустя долгое время тихо ответила:

— Остался последний номер. После него вы сможете идти.

Она медленно отошла к краю сцены, раздался отчетливый щелчок выключателя, и зал погрузился в полную темноту. Все занервничало, но тут яркий луч прожектора ударил в центр сцены, и по залу разлились звуки фортепианной пьесы. Синь Жун прислушался: он знал эту мелодию — Аделина, или, как её называли, Баллада для Аделины.

Через мгновение появилась Чжоу Сяохуэй. Она вышла из-за кулис босиком. Каждый шаг давался ей с осторожностью — было заметно, что она прихрамывает из-за протеза. На запястье болтался ошейник, то и дело издавая звон. Руки её мелко дрожали, когда она бережно несла толстую белую свечу.

Огонек свечи подрагивал, словно живой, отбрасывая слабый, но решительный свет. Пламя лизало воздух, издавая тихое шипение. Горячий воск стекал по свече, как кристальные слёзы. Он обжигал пальцы, но она не разжимала рук, лишь сжимала их крепче. Капли воска падали на холодный пол, мгновенно застывая — как сердца, лишившиеся тепла.

Под звуки музыки она поднялась в центр сцены. Она кружилась, словно распускающийся цветок, хотя из-за увечий каждое движение давалось ей с огромным трудом. В зале стояла гробовая тишина — ни насмешки, ни презрения. Время замерло, и казалось, что во всем мире осталась только она одна.

Синь Жун смотрел на девушку с невыразимой печалью. Он оглянулся: Цин Куй и Лю Хаонань уже вытирали слёзы, а Хо Фань скрестил руки на груди и молча смотрел на сцену — по нахмуренным бровям было видно, что настроение у него хуже некуда.

Вскоре руки Чжоу Сяохуэй покрылись толстым слоем застывшего белого воска. Казалось, для неё эта боль — лишь тысячная доля того, что она пережила за три года. Когда музыка подошла к концу, она подошла к самому краю сцены.

— Спасибо, что выслушали мою историю и досмотрели мой танец. И последнее... — Она стояла на краю, пошатываясь, тонкая, как осенний лист на ветру. — Напоследок... спасибо, что разрушили мою жизнь.

Она прошептала это, словно потратив последние силы. Бледная, она горько усмехнулась, одной дрожащей рукой потянула за край платья, а другой поднесла горящую свечу к груди и изящно поклонилась, как в конце спектакля.

Синь Жун понял, что она задумала. Он хотел вскочить, но снова осел на место, зажмурившись и отвернувшись.

В тот момент, когда она согнулась в поклоне, пламя свечи мгновенно охватило одежду и ноги. Огненные змеи вновь, как и много лет назад, поглотили её целиком.

Ученики в зале широко раскрыли глаза. Не успели они даже вскрикнуть, как она сделала решительный шаг с края сцены на протезе. Горящая на ней одежда вспыхнула, словно бутон огненного лотоса. Стоило этому лотосу коснуться пола, как всё вокруг взорвалось, будто пороховой погреб! Ослепительные искры разлетелись во все стороны, словно фейерверк в ночном небе. Пламя мгновенно распространилось по залу, весело танцуя и прыгая по полу, словно живое.

В мгновение ока весь зал превратился в бушующее море огня. Огромные языки пламени взметнулись ввысь, как драконы, безжалостно пожирая всё вокруг и освещая тьму, как при дневном свете.

Огонь казался живым, он заполнил весь зал, но Синь Жун и остальные, стоявшие у края, не чувствовали жара. Цин Куй осторожно протянула руку к огню и, не ощутив температуры, удивленно посмотрела на Синь Жуна.

В море огня ученики метались в панике, стеная и моля о помощи. Крики и плач сплетались с фортепианной музыкой, образуя жуткую симфонию. Они пытались бежать, но огонь быстро перекрыл все выходы. Отчаяние и ужас охватили каждого.

И лишь одна фигура выделялась в этом хаосе. Она стояла посреди пожара неподвижно, словно божество, сошедшее на землю.

Сквозь густой дым Синь Жун не мог разглядеть её лица, но её глаза... казалось, они видели сквозь дым и пламя. Она смотрела прямо перед собой — туда, где на последнем ряду сидели они.

Двое людей из разных миров, разделенные временем, молча смотрели друг на друга. Синь Жун вглядывался в её глаза: в них не было безумия от свершившейся мести — они оставались чистыми и яркими.

Она выбрала путь — встретиться лицом к лицу с самой страшной травмой своего детства. Тем же способом, той же болью она положила конец своей жизни, положила конец своему аду.

<http://bllate.org/book/21345/2167049>